

автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06. / С. І. Бугера ; Національна академія наук України, Інститут держави і права ім. В. М. Корецького. – К., 2007. – 20 с.

2. Суперсон Ю. В. Правове регулювання бджільництва в Україні : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. В. Суперсон ; Нац. ун-т біоресурсів і природокористування України. – К., 2013. – 19 с.

3. Відомості Верховної Ради України. – 2000. – № 21. – Ст. 157.

4. Податковий кодекс України від 02 грудня 2010 р. № 2755-VI // Офіційний вісник України. – 2010. – № 92. – Т. 1. – Стор. 9. – Ст. 3248.

5. Відомості Верховної Ради України. – 2004. – № 23. – Ст. 319.

6. Офіційний вісник України. – 2011. – № 37. – Стор. 98. – Ст. 1527.

7. Офіційний вісник України. – 2011. – № 65. – Стор. 8. – Ст. 2531.

8. Відомості Верховної Ради України. – 2004. – № 49. – Ст. 527.

9. Офіційний вісник України. – 2009. – № 24. – Стор. 37. – Ст. 786.

10. Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 18. – Ст. 78.

11. Офіційний вісник України. – 2010. – № 90. – Стор. 42. – Ст. 3186.

12. Відомості Верховної Ради України. – 2012. – № 41. – Ст. 491.

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЦ И УЧРЕЖДЕНИЙ, ПОЛЬЗУЮЩИХСЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТОЙ, В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ

Сергей МОХОНЧУК,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права № 1 Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

The article deals with the investigation of the completeness of implementation of the elements of crimes against internationally protected persons and institutions in the Ukrainian criminal legislation according its binding international treaties. The author points out that the design of corpus delicti under the Art. 443 and Art. 444 of the Criminal Code of Ukraine does not fully take into account the nature of the obligations of Ukraine in the field of international criminal law. It is offered to amend Part 2 of the Art. 444 of the Criminal Code of Ukraine with regard to the nature of liability for crimes against persons and institutions having international protection.

Key words: crimes against internationally protected persons, crimes against peace, Criminal Code of Ukraine, International Criminal Law.

Аннотация

Статья посвящена исследованию полноты имплементации составов преступлений против лиц и учреждений, пользующихся международной защитой, в уголовном законодательстве Украины с учетом обязательных для нее международных договоров. Автор указывает, что конструкция составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 443 и 444 УК Украины, не в полной мере учитывает характер обязательств Украины в сфере международного уголовного права. Предлагается внести изменения в ч. 2 ст. 444 УК Украины с учетом характера ответственности за совершение преступлений против лиц и учреждений, пользующихся международной защитой.

Ключевые слова: преступления против лиц, пользующихся международной защитой, преступления против мира, Уголовный кодекс Украины, международное уголовное право.

Постановка проблемы. Убежденность в необходимости защиты лиц, выполняющих официальные представительские функции иностранного государства, имеет глубокие исторические корни. Еще в одном из древнейших памятников правовой мысли – Законах Ману (II в до н.э.) указывалось: «Мир и его противоположность – война – зависят от послов. Только посол объединяет и разъединяет союзников. В их ведении находятся те дела, в силу которых заключается между царями мир или оглашается война. Тот, кто поднимает руку на посла, подлежит смерти или уничтожению» [1, с. 46] (пп. 65–66 гл. VII). Со временем утвердился подход, согласно которому личность посла рассматривалась неприкосновенной, поскольку он – воплощение главы государства, так называемый *alter ego* правителя.

Вместе с тем истории известны неоднократные примеры посягательства на жизнь официальных представителей, которые провоцировали кровопролитные войны. Наиболее показательным из них является убийство наследника Австро-Венгерского престола Франца-Фердинанда в июне 1914 г., ставшее поводом для начала Первой мировой войны.

После Второй мировой войны количество посягательств на жизнь представителей иностранных государств стремительно возрастало. По подсчетам американских исследователей, преступления против дипломатов составили третью часть всех случаев дипломатического насилия, имеющего политическое последствие [2, с. 5]. Указанное обусловило необходимость рассмотрения на уровне ООН вопроса о закреплении международно-право-

вой нормы по обеспечению безопасности дипломатов и иных официальных представителей. В связи с этим в ряде международных договоров для участвующих государств было закреплено обязательство по обеспечению неприкосновенности лиц, выполняющих представительские функции: Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. [3], Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. [4], Конвенции о специальных миссиях 1969 г. [5], Венской конвенции о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера 1975 г. [6] и других. Эти международные договоры лишь в общих чертах указывают на необходимость обеспечения неприкосновенности официальных представителей, не раскрывая механизм его реализации.

Более полно это обязательство было регламентировано в Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г. (далее – Конвенция 1973 г.) [7]. Необходимость криминализации преступлений против таких лиц подчеркивается в ее преамбуле: «Преступления против дипломатических агентов и иных лиц, пользующихся международной защитой, угрожая безопасности этих лиц, создают серьезную угрозу поддержанию нормальных международных отношений, которые необходимы для сотрудничества между государствами; совершение таких преступлений вызывает серьезное беспокойство международного сообщества; существует настоятельная необходимость принятия соответствующих и эффективных мер для предотвращения и наказания таких преступлений». Ратифицируя Конвенцию, государства-участники обязались закрепить в национальном уголовном законодательстве указанный состав преступлений и предусмотреть соответствующее наказание за совершение таких деяний с учетом их тяжкого характера.

Изложение основного материала. Криминализация противоправных деяний против лиц и учреждений, пользующихся международной защитой, известна еще украинскому советскому уголовному законодательству (ст. 5

Положения о преступлениях государственных 1927 г., ст. 4 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» 1958 г., ст. 59 Уголовного кодекса УССР 1960 г.). Действующая редакция УК Украины 2001 г. [8] содержит два состава преступлений: ст. 443 «Посягательство на жизнь представителя иностранного государства» и ст. 444 «Преступления против лиц и учреждений, пользующихся международной защитой». Закрепление двух отдельных составов преступлений, по мнению законодателя, обусловлено необходимостью дифференциации ответственности за совершение таких преступлений.

Данные составы преступлений против лиц и учреждений, пользующихся международной защитой, являются достаточно сложными для квалификации. На наш взгляд, это в первую очередь связано с тем, что они стали результатом трансформации в украинское уголовное законодательство значительного количества международных договоров.

Укажем, что на сложность в квалификации противоправных деяний против лиц и учреждений, пользующихся международной защитой, обращалось внимание в науке международного и уголовного права. Прежде всего, следует указать на работы российских ученых В. В. Епифанова [9], В. Т. Кардашова [10], Д. Л. Сухарева [11], среди украинских юристов необходимо отметить диссертационное исследование О. С. Сотулы [12]. Однако до сих пор в науке уголовного права отсутствуют комплексные работы, посвященные ст. ст. 443 и 444 УК Украины. В связи с этим сохраняется необходимость изучения составов преступлений, а также полноты имплементации норм международного права, криминализирующих деяния против лиц и учреждений, пользующихся международной защитой, с учетом международно-правовых обязательств Украины. Это определяет актуальность тематики статьи.

Прежде всего отметим, что основным объектом каждого из указанных составов преступлений являются общественные отношения, которые обеспечивают международный мир, нормальное сосуществование и сотрудничество Украины и иных государств и их объединений в форме международных

межправительственных организаций. При этом сложность в разграничении преступлений от иных противоправных деяний связана с тем, что такие преступления являются двуобъектными: вместе с основным непосредственным объектом в них выделяются и дополнительные – жизнь, здоровье, свобода лиц, пользующихся международной защитой, собственность, принадлежащая таким лицам или находящаяся в их пользовании. Именно по основному непосредственному объекту следует проводить разграничение со смежными составами преступлений против жизни, здоровья, свободы, собственности лица (ст. 112 «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля» раздела I «Преступления против основ государственной безопасности Украины»; ч. 2 ст. 147 «Захват заложников» раздела III «Преступления против воли, чести и достоинства человека»; ст. 257 «Бандитизм» и ст. 258 «Террористический акт» раздела IX «Преступления против общественной безопасности» УК Украины и другие).

Важной проблемой в квалификации противоправных деяний по ст. ст. 443 и 444 УК Украины является также определение перечня и статуса лиц, пользующихся международной защитой. Сложности заключаются в том, что потерпевшими согласно уголовному закону Украины могут быть «представители иностранного государства» (ст. 443 УК Украины) и «лица, пользующиеся международной защитой». При этом УК Украины не раскрывает содержание этих понятий. Кроме того, ни в одном международном договоре не дается определение потерпевших по таким составам преступлений, а также четкий перечень таких лиц.

В юридической доктрине были приняты попытки определить круг лиц, пользующихся международной защитой и охраняемых уголовным законом. Однако ученым не удалось выработать единой позиции. Так, В. Д. Меньшагин и Б. О. Куринов считали, что представителями иностранного государства является любой иностранный гражданин [13, с. 22]. В то же время В. И. Курлянский и М. П. Михайлов подчеркивали, что представителем иностранного государства может рассматриваться не каждый иностранец. Посягательство на

«обычных» иностранцев объективно не может быть способом провокации войны или международного конфликта [14, с. 175–179]. Разделяя такое мнение, Г. З. Анашкин уточняет, что к «представителям иностранного государства» следует относить «физическое лицо, уполномоченное соответствующим государственным или общественным органом представлять его государство или общественную организацию и осуществлять деятельность, имеющую представительский характер» [15, с. 125]. Таким образом, к кругу лиц, пользующихся международной защитой, ученый относит также представителей неправительственных организаций, выражающих интересы гражданского общества.

О. С. Сотула, определяя родовые признаки лица, пользующегося международной защитой, указывает, что такие лица должны быть представителями государства независимо от общественного и государственного устройства и идеологии; иметь иностранное гражданство и не быть гражданами страны пребывания; находиться в стране пребывания с официальным визитом [12, с. 136–137]. С таким подходом можно согласиться лишь частично, поскольку он ограничивает круг потенциальных потерпевших по ст. ст. 443 и 444 УК Украины. Согласно Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. защите подлежит жизнь почетного консула (ст. 64), который может быть гражданином страны пребывания (ст. 22). Необходимо также обратить внимание на то, что понятие «лицо, имеющее международную защиту» является общим по отношению к понятию «представитель государства», поскольку может охватывать категории лиц, не выполняющих официальных представительских функций. К таким лицам, например, могут относиться члены их семей, проживающие вместе с представителем государства и не являющиеся гражданами государства аккредитации.

В силу плюрализма мнений относительно круга лиц, пользующихся международной защитой, определение их юридического статуса в контексте уголовного закона следует устанавливать с учетом положений каждого отдельного международного договора в этой сфере, обязательного для государства. Понятия «представитель ино-

странного государства» и «лицо, имеющее международную защиту» раскрываются в ст. 1 1973 г. [7]. К таким лицам отнесены: а) глава государства, в том числе каждый член коллегиального органа, выполняющий функции главы государства согласно конституции соответствующего государства, глава правительства или министр иностранных дел, находящиеся в иностранном государстве, а также сопровождающие члены его семьи; б) любой представитель или должностное лицо государства, или любое должностное лицо, или иной агент международной межправительственной организации, когда против него, его официальных помещений, его жилого помещения или транспортных средств было совершено преступление, имеющее право на специальную защиту от любого нападения на его личность, свободу и достоинство, а также члены его семьи, проживающие с ним. Как видим, Конвенция 1973 г. не предусматривает исчерпывающего перечня круга лиц, пользующихся международной защитой.

Согласно ряду иных международных договоров перечень лиц, пользующихся международной защитой, охватывает персонал дипломатических представительств: дипломатических агентов, административно-технический и обслуживающий персонал, а также дипломатических курьеров (Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г.); членов специальных миссий (Конвенция о специальных миссиях 1969 г.); консульских должностных лиц, почетных консульских должностных лиц, консульских курьеров (Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г.), а также в определенных случаях на членов семей должностных лиц указанных органов внешних сношений.

Кроме лиц, право на международную защиту распространяется также на соответствующие учреждения. УК Украины в ст. 444 устанавливает уголовную ответственность за нападение на служебные или жилые помещения лиц, имеющих международную защиту, а также за угрозу совершения таких действий. При этом в вышеуказанных международных договорах защита распространяется и на иные объекты, не являющиеся зданиями. Обобщив нормы международных договоров, обяза-

тельных для Украины, можно сделать вывод о том, что международная защита, предусматривающая специальную охрану уголовным законодательством, действует в отношении:

1) официальных помещений, жилых помещений, транспортных средств, а также резиденции главы государства в стране пребывания;

2) помещений дипломатического представительства – зданий или части зданий, используемых для целей представительства, включая резиденцию главы представительства, кому бы ни принадлежало право собственности на них; обслуживающих указанное здание или часть здания земельных участков, предметов, предназначенных для официального использования представительства; жилых помещений дипломатических представителей и предметов, предназначенных для их личного пользования;

3) официальных помещений, жилых помещений, транспортных средств, багажа представителей международных межправительственных организаций;

4) консульских помещений, используемых исключительно для целей консульского учреждения; обслуживающих указанное здание части зданий земельных участков, кому бы ни принадлежало право собственности на них.

При этом в международных договорах не установлены ограничения относительно площади или количества помещений, земельных участков, транспортных средств, пользующихся международной защитой.

Как видим, диспозиция ст. 444 УК Украины, в отличие от норм международных договоров, существенно ограничивает предмет преступления, исключая транспортные средства, багаж, предметы, предназначенные для официального или личного использования лиц, пользующихся международной защитой. Поэтому с учетом международных обязательств Украины диспозиция указанной статьи уголовного закона должна быть расширена.

Необходимо также обратить внимание на то, что действующая редакция ст. 444 УК Украины (в отличие от ст. 142 УК Республики Молдова [16]) выравнивает пределы уголовно-правовой защиты лиц, пользующихся международной защитой, и соответствующих учрежде-

ний, поскольку о них идет речь в одной части статьи Уголовного кодекса. С учетом этого одинаковое наказание может применяться по отношению к лицу, например, совершившему похищение дипломата, и лицу, несанкционированно проникнувшему в жилое помещение дипломатического учреждения. Однако в первом случае вместе с непосредственным объектом вред причиняется и дополнительному обязательному объекту – личной свободе лица, а во втором – право на неприкосновенность помещения. По нашему мнению, указанный подход украинского законодателя является достаточно дискуссионным, ведь он не производит дифференциацию ответственности с учетом степени общественной опасности деяний, охватываемых ст. 444 УК Украины.

Принципиальное значение для правильной квалификации преступлений по ст. ст. 443 и 444 УК Украины имеет определение их субъективной стороны. Уголовный закон Украины, как и обязательные международные договоры, субъективную сторону преступления ограничивает прямым умыслом. Однако, в отличие от положений Конвенции 1973 г. [7], преступления, совершаемые с прямым умыслом, по законодательству Украины характеризуются специальной целью их совершения, наличие которой необходимо для квалификации содеянного по этим статьям. Такими целями, согласно указанным статьям, рассматриваются: 1) влияние на характер деятельности представителя иностранного государства или иного лица, пользующегося международной защитой; 2) влияние на деятельность государств или международных организаций, которые представляют такие лица; 3) провокация войны; 4) провокация международных осложнений. В связи с этим в юридической науке уголовного права дискутируется вопрос о целесообразности ограничения составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 443 и 444 УК Украины [17, с. 64]. К тому же, в ст. 142 УК Республики Молдова [17], ст. 360 УК Российской Федерации [18], предусматривающей уголовную ответственность за аналогичное преступление, специальная цель определена лишь как квалифицирующий признак.

По нашему мнению, украинский законодатель, определяя специальную

цель, с точки зрения международного уголовного права не ограничивает состав преступлений против лиц, пользующихся международной защитой. Отсутствие определенных целей как обязательных элементов субъективной стороны практически исключает возможность разграничить такие составы с преступлениями против жизни и здоровья лица, преступлениями против свободы, чести и достоинства, против собственности, общественного порядка. Именно в содержании цели виновного лица, совершающего преступление против мира и безопасности, содержится угроза международному миру как объекту уголовно-правовой охраны. Таким образом, отсутствие указанной цели исключает ответственность по ст. ст. 443 и 444 УК Украины независимо от характера и объема вреда, которые объективно причинены лицам, пользующимся международной защитой. В таком случае вред не причиняется основному непосредственному объекту преступления – международному миру, поэтому содеянное следует квалифицировать по иным статьям уголовного закона.

Завершая исследование составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 443 и 444 УК Украины, в контексте их имплементированности в украинском уголовном законе, необходимо обратить внимание на определение наказания за совершение таких деяний. Санкции преступлений по ст. 443 и ч. 1 ст. 444 УК Украины соответствуют наказаниям за тяжкие и особо тяжкие преступления (ст. 12 УК Украины). Санкция ч. 2 ст. 444 УК Украины, предусматривающая ответственность за угрозу совершения нападения на служебные или жилые помещения лиц, пользующихся международной защитой, а также похищение или лишение свободы таких лиц, ограничивается максимальным наказанием в виде лишения свободы на срок до двух лет, что характерно для преступлений лишь небольшой тяжести. В то же время согласно ч. 2 ст. 2 Конвенции 1973 г. [7] указанные преступления рассматриваются тяжкими. Таким образом, украинский законодатель более лояльно определил ответственность лиц, совершивших такие деяния. Соответственно, закрепление действующей санкции ч. 2 ст. 444 УК Украины не отвечает международно-

правовому обязательству страны, что дает основание для ее пересмотра.

Выводы. Подводя итог нашему исследованию, укажем, что конструкция составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 443 и 444 УК Украины, не в полной мере учитывает характер обязательств Украины в сфере международного уголовного права. В частности, это относится к кругу лиц, которые могут быть непосредственными потерпевшими от совершенных преступлений, а также к предметам, на которые может быть направлен преступный умысел. Для полноты имплементации норм международного уголовного права в Уголовном кодексе Украины в формулировке диспозиции необходимо сделать ссылку на то, что перечень лиц и учреждений, пользующихся международной защитой, должен устанавливаться с учетом международных договоров, обязательных для Украины. Кроме того, необходимо внести изменения в ч. 2 ст. 444 УК Украины с учетом характера ответственности за совершение преступлений против лиц и учреждений, пользующихся международной защитой согласно ч. 2 ст. 2 Конвенции 1973 г.

Список использованной литературы:

1. Законы Ману / пер. С. Д. Эльмановича. – М. : Наука, 1992. – 360 с.
2. Diplomacy in a Dangerous World: Protection for Diplomats Under International Law / Ed. N. K. Hevener. – N.Y. : Westview, 1986. – 286 p.
3. Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18.04.1961 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml.
4. Венская конвенция о консульских сношениях от 24.04.1963 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/pdf
5. Конвенция о специальных миссиях от 16.12.1969 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/pdf>.
6. Венская конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера от 14.03.1975 //

Работа Комиссии международного права. – 7-е изд. – Т. 2: Документы. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 2009. – С. 177–215.

7. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов от 14.12.1973 // Работа Комиссии международного права. – 7-е изд. – Т. 2: Документы. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 2009. – С. 168–177.

8. Кримінальний кодекс України від 05.04.2001 // Відом. Верхов. Ради України. – 2001. – № 25–26. – Ст. 131.

9. Епифанов В. В. Правовые аспекты дипломатической защиты физических и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. – М., 2000. – 193 с.

10. Кардашов В. Т. Неприкосновенность помещений дипломатического представительства и ее гарантии в современном международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1986. – 24 с.

11. Сухарев Д. Л. Уголовная ответственность за нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой: дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2003. – 159 с.

12. Сотула О. С. Кримінальна відповідальність за посягання на життя державного чиновника: дис. ... канд. юрид. наук. – Х., 2003. – 201 с.

13. Научно-практический комментарий к Закону об уголовной ответственности за государственные преступления / под ред. В. Ф. Меньшагина, П. С. Ромашкина. – М.: Госюриздат, 1960. – 72 с.

14. Особо опасные государственные преступления / под ред. В. И. Курлянского и М. П. Михайлова. – М.: Юрид. лит., 1963. – 216 с.

15. Анашкин Г. З. Об ответственности за преступное посягательство против представителя иностранного государства // Советское государство и право. – 1962. – № 4. – С. 125–126.

16. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 // Monitorul Oficial. – 2009. – № 72–74. – Ст. 195.

17. Пустогаров, В. В. Женевским конвенциям 1949 г. – 50 лет. Достижения и проблемы // Государство и право. – 1998. – № 6. – С. 64–71.

18. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ НАД ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В УКРАИНЕ

Александр МУЗЫЧУК,

доктор юридических наук, профессор,
начальник факультета подготовки специалистов для подразделений следствия
Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

The objective of this article is improvement of administrative procedures of realizing control over law enforcement agencies' activity in Ukraine.

Thus, the concept of administrative procedures of realizing control over the activities of law enforcement agencies in Ukraine is formulated; their characteristics, stages and practically important criteria for classification are determined. A set of sequential and interrelated stages directed on guaranteeing the implementation of control authorities of the control subject, securing and protecting the rights and legal interests of law enforcement agencies as objects of control is offered to understand as administrative procedures of realizing control over the activities of law enforcement agencies.

Key words: administrative procedures, control, law enforcement agencies, stages.

Аннотация

Целью статьи является усовершенствование административных процедур осуществления контроля над деятельностью правоохранительных органов в Украине.

В связи с этим формулируется понятие административных процедур осуществления контроля над деятельностью правоохранительных органов в Украине, определяются их особенности, стадии и практически значимые критерии классификации. Под административными процедурами осуществления контроля над деятельностью правоохранительных органов автор предлагает понимать совокупность последовательных и взаимосвязанных стадий, направленных на обеспечение реализации контрольных полномочий субъекта контроля, охрану и защиту прав и законных интересов правоохранительных органов как объектов контроля.

Ключевые слова: административные процедуры, контроль, правоохранительные органы, стадии.

Постановка проблемы. Процедуры осуществления контроля в государственном управлении в целом и над деятельностью правоохранительных органов в Украине в частности, как правило, определяются подзаконными нормативно-правовыми актами, хотя некоторые из них определены на законодательном уровне. В связи с этим, ученые неоднократно ставили вопрос: целесообразно ли законодательно закреплять процедуры реализации всех форм контроля, должны ли они регламентироваться только законодательными актами?

По нашему мнению, нормативное определение административных процедур реализации всех возможных форм контроля невозможно в связи со следующим. Во-первых, формы контроля очень разнообразны, среди них есть такие, которые реализуются в краткий промежуток времени, не предусматривают подготовки, плани-

рования, выбора методов контроля. Во-вторых, необходимость применения той или иной формы контроля может возникнуть спонтанно, что также делает невозможными ее подготовку и планирование. В-третьих, результаты подавляющего большинства контрольных мероприятий не имеют четко установленной юридической формы внешнего выражения (акт, выводы и тому подобные). Все это дает основания для заключения, что процедуры контроля характерны лишь для реализации так называемых «сложных» форм контроля, к которым предлагаем отнести контрольную проверку, инспекцию, ревизию, инвентаризацию, финансовый аудит, служебное расследование, экспертизу.

Актуальность темы исследования. Контроль над деятельностью правоохранительных органов в рамках отдельных научных работ исследовали: Л.В. Борец, С.Г. Братель, В.Л. Грохольский,